

Да здравствует 1 Мая!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Пермский УНИВЕРСИТЕТ

Орган партбюро, комитета ВЛКСМ, профкома, месткома,
ректората Пермского государственного университета
им. А. М. Горького

Год изд. XV
№ 16 (365)

Пятница, 27 апреля 1962 г.

Цена 1 коп.

ВЕСЕННИЙ ветер пролетает над миром. В нем свежесть обновления, радость ожидания, смутная тревога и снова радость. Ветер! Расскажи нам о новом и весеннем на планете.

Слушайте! Ветер поет, и мелодии гордой маленькой Кубы звучат в его песне, Кубы борющейся, идущей к социализму уверенным шагом борца и труженика. Но вот тревожные ноты звучат в песне ветра: гневные крики восставшей Африки ворвались в нее, и огненной стала песня. А вот мелодию перекрывает хор миллионов голосов, он ширится, он звучит во всех уголках земли, скандируя два слова: «Нет—войне!» И все больше таких голосов, все громче звучат они, требуя счастья и мира.

И снова наша страна, как совесть эпохи, показывает человечеству единственный верный путь. Советский Союз решил прекратить испытания атомного оружия, чтобы не отравлять людей, чтобы охладить накаленную атмосферу международных отношений.

ГИМН созиданию поет ветер. Это он пролетает над нашей огромной страной. Он видит, как подобно весенним всходам, согретым солнцем творчества, растут под умелыми руками советских людей города-спутники, как люди шагают через рубеж времени, работая в 1962 году в счет 1965, в счет будущего. Он видит, как стремительно входит в сегодняшнюю жизнь коммунистическое, как люди живут, работают, учатся сегодня по нормам завтра.

Ветер поет о гордом племени коммунистов. Он пролетает над Кремлевским дворцом съездов, и величавая мелодия гимна новой программы жизни возникает и звучит все громче, именно сейчас, в четвертый год семилетки, когда идеи XXII съезда уже стали общей работой, а работа вырастает в города и заводы.

Торжественность и радость в песне ветра: ленинская правда живет, становится жизнью. В этом году В. И. Ленину исполнилось 92 года. Он жив, наш Ильич, он с нами.

«Ленин с нами» — скандировала крылатая юность на своем XIV комсомольском съезде. Съезд — еще одно звено в цепи весенних, новых событий в жизни страны. Он был рапортом о том, что сделано, он дал программу того, что надо сделать. Коммунисты и комсомольцы с новым подъемом взялись за работу.

В МАЙСКИЕ торжественные дни 1962 года, как далекая история, вспоминаются первые

маевки. И еще яснее ощущаешь какими гигантскими шагами идет наша страна в будущее. 5 мая мы будем отмечать большую дату — историческую, общественную, революционную — 50-летие большевистской «Правды». История «Правды» — это история революционной борьбы, история революционеров-ленинцев, которые несли людям настоящую правду, а в анкетах на вопрос о профессии писали, как Ленин, короткое и значительное слово «журналист». Их традиции мы берем

часто мы не замечаем нового, привыкаем к нему очень быстро. А оно ведь есть в нашей студенческой жизни. Об этом новом говорили на XIV комсомольской отчетно-выборной конференции университета: о создании студенческого клуба интернациональной дружбы (ведь мы тогда почувствуем себя активными борцами за укрепление международных связей), о творческом отношении к научной работе, о горячих спорах на большие темы: «Я и современность» или «Проблема ис-

ПАД ВЕЩЛЕЙ ВЕТЕР ШИРА И СЧАСТЬЯ!

сегодня на вооружение, осмысливая все события современности.

ВЕСНА пришла, и как всегда,

И занятые, и закутанные,
Мы не заметили когда,
И не увидели откуда.

Войдите в солнечные улицы. Почувствуйте красоту обновляющейся земли. Почувствуйте себя в весне, юные, веселые, смею-

щества будущего», об активной любви к своей профессии и о необходимости связи общественной работы с учебной, о необходимости ее масштабности.

ГОВОРИЛИ в людях, красивых и творческих. О ленинских стипендиатах, «отличниках жизни» З. Алексеевой, И. Шерстобитовой, Д. Зайцеве. Ю. Непомнящем. О студентах М. Савине, Ю. Ефимо-

ве, чьи научные доклады отмечены грамотами на конференции юридического факультета МГУ, проходившей в марте этого года. Говорили об энтузиастах художественной самодеятельности. О тех, кто горит и сам зажигает других. Этому качеству — умению зажигать других — студенты должны

научиться в университете, чтобы к тому времени, когда молодые специалисты разъедутся по городам и селам страны, они уже по настоящему владели мастерством агитатора.

Этой весной уйдут из стен университета молодые счастливые люди. Их ждет творческая работа и красивая многогранная жизнь. Счастья вам, дорогие выпускники!

В МЕСТЕ с нашим весенним корреспондентом — майским ветром — взглянули на жизнь, окружающую нас, свежими, весенними глазами. Мы увидели трудовые успехи страны, встречающей Первомайский праздник. Мы ощутили дыхание времени и почувствовали крепкую связь с

народами стран, борющихся за свободу. Мы встретим вместе с ними праздник международной солидарности трудящихся. Рабочие люди всех стран будут неть в этот день песни и выйдут на демонстрации. Этот день будет радостным, как сама ВЕСНА. Пусть будет у вас в этот день хорошее настроение. С праздником, дорогие друзья!

* * *
Май!
Май!
Знаменный,
тревожный,
ликующий.
Мой май,
твой май,
наш май.
Сквозь даль
и границы идущий!
Мир!
Мир!
Живущий,
бунтующий,
верящий.

* * *
Мой мир,
твой мир,
наш мир.
Добытый
в боях
немеркнущих!
Труд!
Труд!
Труд!
Самозабвенный,
дерзостный,
Мой труд!
Твой труд!
Наш труд!
Нами хранимый
ревностно!

*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Слушай, Солнце!

Знаешь, Солнце, мои друзья
Где-то сейчас на Кубе.
Знаешь, Солнце, мои друзья
С кем-то сейчас воюют.
Или ходят в крутых горах,
Зорко меряя темноту,
Или в солнечных городах
Учат грамоте бедноту...
Знаешь, Солнце, моим друзьям
В эти дни тяжелей, чем мне.
Знаешь, Солнце, наверно, там
Очень трудно ходить по земле.
Очень трудно стоять с ружьем,
Очень трудно учить людей,
Очень трудно страну — свой
дом —
Строить заново, для детей.
Слушай, Солнце! Ну что же ты
Так спокойно глядишь вокруг.
Слушай, друг! Неужели ты
Можешь так же вершить свой
крузь!
Слушай, Солнце! В тебе же кровь
В сотни раз горячей, чем в нас,
Неужели ж твоя любовь
Силу новую мне не даст,
Чтобы знали мои друзья,
Чтобы ждали мои друзья:
Я приду к ним — скорей,
скорей! —
Солнце! Дай мне крови твоей!

В. БАКШУТОВ.

Отражая неба цвет несмелый,
Расплескалась мартовская синь.
Я опять не знаю,

что мне делать,
Снова очень сложной стала
жизнь.

И слышав свежее дыханье
Беспокойно-звонких ручейков,
Я опять теряюсь в ожиданье
Ласковых, тревожно-нежных
слов.

Ветер зашумит перед
рассветом,
Мокрой веткой застучит
в окно...

Почему-то верю: в жизни этой
Я со сказкой

встречусь все равно.

М. ЛЕБЕДЕВА.

Трамвай не по-
являлся целую
вечность.

Была промок-
шая зябкая ночь. Я стоял под
кленом у остановки и пытался
читать при свете фонарей. Хотел-
ось курить, а папирос не было.
Моросил дождь.

Грудастая женщина пилила
сквозь зубы пьяного мужа-
шофера. В гостях он пролил вино
на ее крепдешиновый подол. Она
куталась в короткий пиджачок
мужа, а тот сопел, сутулился и
по минутно спрашивал, сколько
времени. Закурил и отбросил недо-
куренную папиросу. Она упала
на мокрый рельс. Подковыляла к
ней два голубя-полуношника.
Один был рыже-белый.

У меня щекотало в горле. Я
ощутил вкус глубокой папиросной
затяжки, сладкой до головокру-
жения.

В огнях, перезвоне и грохоте
выполз, наконец, из-за угла
трамвай. За ним косолапо спе-
шил человек с тяжелой ношей за
спиной.

Засаленные картишки
Со всхлипом на стол ложатся.
Сидят за столом мальчишки.
Им — по пятнадцать-семнадцать.
А может быть,

где-то рядом
Свершается подлое дело,
И руки мальчишечьи,

Очень кому-то нужны.
А где-то —

стройки-громады
Ждут эти руки

умелые,

Да и девчонки

красивые

Заранее в них

влюблены.

А в мире

нужны восстаниям

Бойцы

до последнего вздоха.

В истории повторяются

Мужество,

ненависть,

бой.

Вслушайтесь

в ритм созидания,

В тревожный голос эпохи.

Мужество начинается,

когда становятся в строй.

Н. СЕМЕНОВ

Первые подснежники... Как много мыслей
навевают они!
Фотограф А. Колотыгиной.

ПОДСНЕЖНИКИ

Я читал газету. Вошел Во-
лодька. Вид у него был кис-
лый-кислый.

— Сидит, курит, — сказал
он, — хоть бы окно открыл.
На улице-то что делается!..

— Что на улице? — спро-
сил я.

Он открыл окно, высунулся,
посмотрел, уныло ответил:

— ...Весна!

— Знаю, — сказал я. — Я
как раз сейчас прочитал замет-
ку фенолога. Вот: «Прилетели
грачи, на проталинах появились
подснежники...»

— Сухарь ты! — сказал Во-
лодька. — Заметка фенолога!
Ты посмотри что на улице —
что делается.

Я посмотрел. Под окном си-
дела тетка с корзиной под-
снежников.

— И на улице то же, — ска-
зал я. — В продаже появились
подснежники.

— Кстати, — сказал Во-
лодька, — раз уж ты загово-
рил о весне... Когда ты соби-
раешься выпу-
стить газету?

— Завтра, —
сказал я. — Все
готово.

— О весне
что-нибудь бу-
дет?

— Будет.

— И стихи?

— И стихи.

Валерка напи-
сал.

— Ну, он, ко-
нечно, напи-
сал! — сказал
Володька. —
Ерунду какую-
нибудь. Под-
снежники у него
там есть?

— Есть.

— А грачи?

— И грачи.

— А дороги,
зовущие вдаль?

— И дороги.

— Я так и
знал, — сказал
Володька. —
Старо! Нашел
кому заказывать
стихи!

— Ты же ведь
не будешь пи-
сать, — сказал я.

— Потому что
я не халтур-
щик, — сказал
Володька и
вдруг покрас-
нел. — Да и то...

чтобы выручить тебя... на, чи-
тай!

Стихотворение называлось
«Дали». В нем говорилось о
грачах, о лазури неба и под-
снежниках. Их Володька назы-
вал «колумбами летних цве-
тов».

Вот так теряешь лучших
друзей...

— Старо, — сказал я. —

Даже хуже, чем у Валерки.

— Ну, знаешь! — сказал
Володька. Он просто лобелел. —
Твой Валерка-такая же бездар-
ность, как и ты! Согласись, что
ты испугался непривычного по-
ворота темы?

— Это грачи-то-поворот? —
сказал я. — Подснежники —
поворот? Тогда, может быть, и
дороги, зовущие вдаль, — пово-
рот?

Он укоризненно посмотрел
на меня и побрел к двери. На
пороге он все-таки собрался с
духом и высокомерно сказал:

— Мне жаль тебя, Яков!

Я не успел выкурить сига-
рету, как вошел Илья.

— На улице-то что делает-
ся! — озабоченно сказал он. —
Ну, как газета?

— Готова, — сказал я.

— Молодец! — он похлопал
меня по плечу. — А стихи на-
шел?

— Нашел.

— Отлично! — сказал он. —
Давай больше стихов, читатель
их любит, уж я знаю. Кстати...
Я тут набросал кое-что... — и
он протянул мне листок бумаги.

Стихотворение было написа-
но «лесенкой» и называлось
«В путь!». В нем говорилось о
весне, которая идет, сметая со
своей дороги снег, лед, плесень,
холодную войну, бюрократизм,
траволье, скептицизм и хам-
ское отношение к женщине.
Подснежники Илья называл
«предтечами».

Это было от первой до по-
следней строки идейно выдер-
жанное стихотворение. При-
даться я не мог ни к чему,
даже к рифмам, потому что их
не было вовсе.

— Что ж, — сказал я. —
Оставь... Я тут посоветуюсь
кое с кем... Сам понимаешь...

— Ну-ну! — сказал он. —
Так я завтра зайду.

— Заходи, — сказал я.

Затем явился на консульта-
цию физик I курса — ярко вы-
раженный лирик. Стихотворе-
ние его называлось «Запах».

Девушка с экономического
факультета, страшно стесняясь,

может ринуться в
пропасть и стать
на рога — они вы-
держат этот

страшный удар.
Хотелось заговорить со студен-
том, с этим бородастым мальчиш-
кой в застиранной и неумело пе-
рештопанной курточке.

О чем-то мечтала кондукторша,
прислонившись щекой к холодно-
му стеклу. Раздумываясь груда-
стая жена шофера — темные
глаза ее сияли любопытством и
добротой.

Студент сошел через три оста-
новки и исчез в темноте. Он спе-
шил. Конечно, домой.

В вагоне было тихо и уютно.
Удивительно чистым был воздух,
словно хранил в себе запах сне-
га и солнца, окутанных туманами
влажных скал.

— Еще бы козу с собой при-
волол, — вдруг рассмеялась гру-
дастая жена шофера и зло под-
толкнула мужа. — Пошли!

Надрывно гудел трамвай, мель-
кали за окнами полосы черноты
и света.

А. ДОМНИН,
выпускник университета.

предложила мне небольшую
позму «Почки».

От коллектива авторов с
юридического факультета по-
ступила сатира «Грачи и рва-
чи»...

На улице бушевала весна —
странное время года, когда ки-
нотеатры переполнены с утра
до ночи; когда оживают мухи
и на реках открывается судо-
ходство; когда в университете
начинается студенческая науч-
ная конференция и уже пахнет
сессией; странное время года,
когда человеку делается вдруг
очень неспокойно: как-то ему
неловко, неприкаянно, хочется
с кем-то посоветоваться, поде-
литься своими чувствами. Вре-
мя, когда начинается весеннее
поэтическое половодье...

Оно захлестнуло мою комна-
ту. Я выбежал на улицу в
хлопающих ботинках и долго
не мог прикурить — спички
отсырели...

Возле общежития сидела тет-
ка с корзиной — у нее остались
последний букет. К ней прибли-
жался волосатый, очкастый па-
рень — студент, это ясно.

«Сейчас он купит цветы, —
подумал я, — и поставит их в
банку с водой. А после сядет
и будет писать что-нибудь о до-
рогах. Это уж точно...»

Я бросился к тетке...

Вечером я на цыпочках про-
брался к себе и залез на
ключ. Поставил в банку с во-
дой измочаленный букет под-
снежников. Сел за стол...

Я писал до глубокой ночи. Я
писал о подснежниках, грачах
и дорогах, зовущих вдаль.

Б. ГАШЕВ,
выпускник университета.

В ГРОЗУ

Мы встали все под крыши

терпеливо,

Чтобы не мокнуть под прямым

дождем

А в небе высоко серебряные

взрывы

Пылают и грохочет гром.

Разгневан ветер, воеет, словно

злится

Нависла туча, как печаль, грузна

А девушка с цветами не боится.

По улице идет совсем одна.

Четкою рассыпанных горошин

Отшлепал дождь и лужами унял,

А запах от земли такой

хороший.

Как будто молоком кто поливал.

Окутан мир прозрачной влажной

негой.

И дали, как хрустальные, чисты

И девушка несет, оплаканные

небом.

Облаканные радугой цветы.

В. ГУСЕВ.

СОНЕТ

На Новодевичьем

нет места для меня,

Мне только бы

на эту жизнь хватило

Веселого и буйного огня —

Поэзии — неукротимой силы.

Мне выйти в Прометею

в этот мир,

К смеющимся и грустным

незнакомым,

Нести в огне и злую боль

сатир.

И пыл любви, и вдохновенье

грома.

Но если разум скажет: не могу,

Не стать поэтом,

наизусть учимым,

Поэзию я все же сберегу

Простой, как небо,

и неповторимой,

Чтоб зажига, каждый день

гореть,

Чтоб человеком жить

и умереть.

Н. ПЕРМЯКОВА.

Редактор Г. И. ВЛАСОВ.

Фотомонтаж А. Колотыгиной.

Последний трамвай

Рассказ

Он успел добежать до остано-
вки и вскочить на подножку.

В вагоне назревал скандал.
Грудастая жена шофера спросила
кондукторшу, поджав лиловые
губы:

— Выспались? Дармоеды.

— А вы сядте на мое место,
сядте, — вспыхнула кондуктор-
ша.

Она была похожа на школьни-
цу. Хотела еще что-то ответить,
отвернулась и зазвенела мелочью
в сумке. На реснице блеснула
слезинка.

На площадку ввалился парень
с тяжелым рюкзаком за плечами
и перевел дух. В его капроновой
шляпе, напоминавшей измятый
блин, торчало роскошное перо ка-
кой-то нездешней птицы — снеж-
ное, с коричневыми светлыми по-
лосками. У парня была жидкая
рыжая бородачка, на ногах —
большие горные ботинки, три фо-
тоаппарата и полевая сумка у
пояса. Вероятно, студент, едет из
экспедиции.

Он неторопливо снял рюкзак —
сверху были привязаны два ви-
тых ребристых тяжелых рога
архар.

Стало тихо. Только надрывно
гудел трамвай, мелькали за окна-
ми полосы черноты и света.

Студент жадно приник к окну,
как мальчишка, переполненный
торжеством и нетерпением. Снох-
ватился, пошарил в карманах и
протянул кондуктору измятую
рублевку. Вероятно, последнюю.

У кондукторши дрожали паль-
цы и она никак не могла насчи-
тать сдачу.

Я сдерживал улыбку и притво-
рялся, будто читаю газету. Пья-
ненный шофер сопел и таранил
глаза. Он потянулся было к сту-
денту, жена ткнула его кулаком
под бок, он икнул и затих.

У ног студента придавили рюкза-
к два витых тяжелых рога. У
одного была отколота верхинка.

Говорят, красавец заоблачных
гор архар в мянуту опасности